

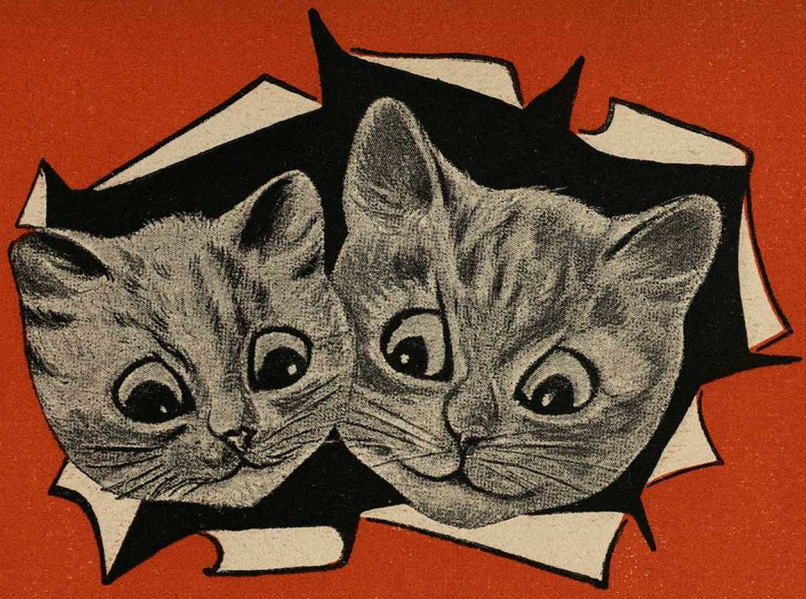
45
10

ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія допущена къ выданью въ учебныхъ
библіотекѣ городскихъ училищъ.

Годъ изданія второй
СЕНТЯБРЬ.

№ 22.

1909.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- САМОУЧКА.
- ВЪ ДѢТСКОЙ.
- ПУЛЬКА.
- ПѢСНЯ о ТРУДѢ.
- КОЛОМБИНА (вальсъ).
- ТРУСИХА.
- РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Какъ за границей возятъ молоко

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

САМОУЧКА.

— Ну, Георгъ, обратился къ сыну отецъ.—Собирайся. Я нашелъ для тебя мѣсто. Ты будешь пасти коровъ.

Мальчикъ собралъ свои небольшіе пожитки, простился съ матерью и съ цѣлымъ десяткомъ братьевъ и сестеръ и отправился за отцомъ.

Старый Стифенсонъ взялъ его за руку и повелъ къ владѣлицѣ небольшого помѣстья около деревни Вайламъ въ Англіи, близъ Нью-Кестля, и опредѣлилъ его къ ней въ пастухи.

«Все - таки однимъ ртомъ у меня въ семьѣ будетъ меньше, думалъ онъ, возвращаясь домой. А то шуткали сказать—одиннадцать человекъ. Къ тому-же и Георгу уже 8 лѣтъ; пусть онъ приучается зарабатывать себѣ свой собственный хлѣбъ».

Отецъ Георга былъ бѣднымъ рабочимъ. Онъ служилъ въ каменноугольныхъ копяхъ, которыхъ было много вокругъ Вайлама, но самъ

угля въ нихъ не копалъ, а только откачивалъ изъ-подъ земли воду, чтобы она не мѣшала работать углекопамъ. За эту работу онъ получалъ очень мало и долженъ былъ содержать самъ всю свою многочисленную семью. Онъ былъ очень трудолюбивъ и бережливъ, всѣ уважали его на шахтахъ и въ шутку звали Старымъ Бобомъ. Онъ

былъ женатъ на Беллѣ, матери Георга, которая тоже отличалась большимъ трудолюбіемъ, но такъ какъ одна со всѣми дѣтьми управиться не могла, то обязанность няньки исправлялъ при ней Георгъ. Конечно, мальчику было

Георгъ Стифенсонъ изобрѣтатель локомотива.

очень трудно не досыпать ночей и цѣлые дни проводить около колыбелей своихъ младшихъ братишекъ и сестеръ, но и онъ, слѣдуя примѣру своихъ матери и отца, тоже былъ трудолюбивъ и не ропталъ.

Попадши къ стаду, на привольные луга, мальчикъ сразу почувствовалъ себя на свободѣ. Теперь никто не требовалъ отъ него, чтобы онъ не досыпалъ ночей, къ тому-же ему за его бездѣлье платили деньги, а свою новую работу онъ считалъ бездѣльемъ, такую легкой она ему показалась послѣ тяжкихъ трудовъ въ семьѣ. Ему платили по 5-ти коп. въ день на наши деньги и онъ отдавалъ ихъ отцу. Это возбуждало въ немъ его гордость и ему стало казаться, что онъ теперь большой. На свободѣ, пока стадо паслось, онъ вырѣзалъ изъ дощечекъ мельничныя колеса и разныя машинки, ставилъ ихъ въ ручей и когда онъ вертѣлись, то онъ приходилъ въ восторгъ. Это возбуждало въ немъ его изобрѣтательность. Онъ рѣшилъ сдѣлать маленькую подъемную машину, точь въ точь такую, какая была въ шахтѣ въ Вайламѣ, и сдѣлалъ ее такъ превосходно, что она заработала на-диво. Слава объ этой машинѣ разнеслась далеко вокругъ и къ Георгу пришли даже рабочіе съ шахтъ посмотреть, какъ она дѣйствуетъ.

— Ну, Старый Бобъ, обращались они къ старику Стифенсону, — твой Георгъ далеко пойдетъ! Изъ него выйдетъ великій инженеръ!

Но прошли два года, Георгъ подросъ и хозяйка рѣшила сдѣлать его простымъ рабочимъ—земледѣльцемъ. Онъ долженъ былъ теперь ходить за плугомъ, копать землю и забивать молотомъ колья въ изгороди и эта работа очень не понравилась Георгу. Здѣсь не было уже мѣста для его изобрѣтательности, а ему хотѣлось изобрѣтать, строить машины, выдумывать что нибудь особенное. И вотъ, бросивъ земледѣльческія работы, онъ поступилъ на шахты. Здѣсь онъ былъ приставленъ къ подъемной машинѣ въ качествѣ погонщика лошадей, которыя приводили ее въ движеніе. Здѣсь онъ работалъ настолько добросовѣстно, что къ 14-ти годамъ его сдѣлали уже помощникомъ кочегара, что давало ему уже 30 коп. въ день, а это было для его семьи цѣлой находкой.

Будучи помощникомъ кочегара, Георгъ сталъ находиться близко около паровой машины, а она-то и составляла его мечту. Съ алчностью голоднаго чловѣка, онъ бросился къ ней и въ свободные часы такъ хорошо изучилъ ее, что сталъ знать ее лучше машиниста.

— Эй, Георгъ! кричалъ ему иногда машинистъ.—Загляни-ка въ машину!.. Она сегодня что-то дуритъ... Я не понимаю, въ чемъ дѣло... Быть можетъ, поймешь ты!

Георгъ бросался къ машинѣ и она тотъ-часъ же ему повиновалась.

Вскорѣ на сосѣднихъ копяхъ въ Нью-Бернѣ близъ Нью-Кестля от-

крылось мѣсто надсмотрщика надъ машиной. Георгъ поспѣшилъ взять его и тутъ-то отдался машинѣ вполнѣ. Но она показалась ему плохой, несовершенной. Ему захотѣлось перестроить ее по-своему, чтобы она лучше ходила. Тогда у одного изъ инженеровъ онъ попросилъ чертежи машинъ, чтобы изучить ихъ, но оказалось, что это требовало отъ него образованія, а онъ едва умѣлъ читать. Тогда, не долго думая, 18-ти лѣтнимъ юношей, Георгъ поступилъ въ сельскую школу и сталъ въ ней учиться по вечерамъ. Онъ съ такимъ жаромъ набросился на науку, что уже въ первые полгода сталъ знать больше, чѣмъ самъ его учитель. Возвращаясь поздно вечеромъ отъ учителя, онъ не ложился спать, а садился у открытой дверцы машины и при свѣтѣ огня ея печи, въ жарѣ и духотѣ, весь въ угольной пыли и грязный, онъ старался рѣшить какъ можно больше задачъ на аспидной доскѣ.

— Эй, ты! Большой болванъ! смѣялись надъ нимъ другіе рабочіе.— Много-ли научился въ школѣ? Не ставилъ-ли тебя твой учитель на колѣни?

Но Георгъ молча переносилъ эти оскорбленія и все продолжалъ свое ученье. Но учиться было не по чему. Тѣ книги, которыя давалъ ему учитель, уже были имъ изучены, а купить новыя—было не на что, такъ какъ весь свой заработокъ Георгъ отдавалъ своему отцу. Тогда онъ

рѣшилъ, не покидая машины, заняться сапожнымъ ремесломъ. Онъ такъ хорошо изучилъ его, что скоро на всѣ шахты шилъ и чинилъ сапоги. Вырученныя за работу деньги онъ сталъ тратить на покупку книгъ.

Однажды къ нему принесли починять пару маленькихъ ботинокъ. Починивъ ихъ, онъ самъ отправился съ ними къ ихъ обладательницѣ, нѣкоей Фанни Гиндерсонъ, и такъ плѣнился ею съ перваго-же взгляда, что рѣшилъ на ней жениться. Она согласилась и скоро стала его женой. Это было въ 1802 году, когда Георгу Стифенсону былъ уже 21-й годъ.

Бракъ Георга Стифенсона съ Фанни былъ очень счастливымъ. Фанни оказалась превосходной женщиной и задушевнымъ другомъ Георга. Она сама побуждала мужа заняться механикой и изъ любви къ ней, чтобы сдѣлать ей пріятное, онъ рѣшилъ сдѣлаться образованнымъ человекомъ. Но, отдавшись весь наукѣ, онъ все-таки не бросалъ своей службы и всѣ свои деньги приносилъ женѣ. Конечно, этихъ денегъ не хватало на двѣ семьи, такъ какъ онъ продолжалъ еще помогать и отцу, и, окончивъ занятія на шахтахъ, онъ шелъ на берегъ рѣки Тайнъ и тамъ занимался нагрузкой и разгрузкой судовъ. Послѣ этой работы у него всю ночь болѣли кости, но онъ долго не ложился съ вечера спать, все время отдаваясь чтенію книгъ. Но и починка сапогъ тоже брала отъ него время и нужно было только уди-

вляться, какъ у него на все это его хватало.

Вдругъ случился пожаръ. У Стифенсона сгорѣло все, уцѣлѣли одни только стѣнные часы, но и они частью обгорѣли, а частью были изломаны, когда ихъ вышвырнули изъ окна. Стифенсону было очень жаль этихъ часовъ и онъ рѣшилъ починить ихъ самъ. Долго онъ возился съ ними и все-таки починилъ: они пошли. Тогда слава о Георгѣ, какъ о часовыхъ дѣль мастерѣ, разнеслась далеко повсюду, ему стали приносить часы для починки и онъ сталъ настоящимъ часовщикомъ. Жена тоже не отставала отъ него и брала домой отъ сосѣдей шитье: она шила бѣлье для рабочихъ и тоже зарабатывала кой-какія деньги. Къ сожалѣнію, она не умѣла кроить. Тогда ей пришелъ на помощь ея мужъ. Онъ выучился кройкѣ и кроилъ ей даже дамскія вещи. Но такъ какъ послѣ пожара нужно было покупать снова всю мебель, то Георгъ, чтобы не тратить денегъ, выучился у сосѣда столярному ремеслу и сдѣлалъ превосходную мебель.

Затѣмъ у Стифенсона родился сынокъ Робертъ. Чтобы вывести его въ люди и дать ему приличное образованіе, Георгъ рѣшилъ работать, не покладая рукъ, чтобы накопить для сына денегъ и, дѣйствительно, скоро накопилъ ихъ. Но онѣ не достались сыну. Онѣ пошли совсѣмъ на другое. Надъ семьей Стифенсоновъ грянулъ громъ; по приказу короля во

всей Англіи былъ сдѣланъ наборъ солдатъ и бѣднаго Георга забрали въ солдаты. Какъ быть? Что дѣлать? По тогдашнимъ законамъ каждый рекрутъ имѣлъ право выставить за себя охотника, уплативъ ему порядочную сумму денегъ. И всѣ сбереженія Стифенсона пошли на наемъ такого охотника.

— Ничего, ободряла Георга жена. — Деньги дѣло наживное! Зато ты остался вмѣстѣ со мною и сынкомъ... Это лучше, чѣмъ цѣлые капиталы! Мы опять все снова наживемъ!

И супруги вновь стали работать, не досыпая ночей. Скоро для ихъ маленькаго Роберта опять скопился небольшой запасъ денегъ, который они положили въ банкъ. Но тутъ новое несчастье постигло опять Георга: на этотъ разъ умерла его горячо любимая жена. Георгъ, нѣжно любившій Фанни, впалъ въ отчаяніе и побросалъ всѣ свои дѣла. Домъ пришелъ въ запустѣніе, по цѣлымъ недѣлямъ печь оставалась нетопленной. Георгъ ходилъ, понутивъ голову, и наконецъ рѣшилъ бѣжать изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ каждый камень напоминалъ ему о женѣ. Онъ хотѣлъ отправиться съ сыномъ въ Америку, но на это не хватило средствъ и, простившись со своими товарищами, и отдавъ сына на воспитаніе въ одну хорошую семью, онъ ушелъ въ Шотландію и поступилъ тамъ на одинъ заводъ. Но тоска по сынѣ помѣшала ему остаться тамъ навсегда и, скопивъ тамъ порядочную сумму денегъ,

онъ возвратился обратно на насыженные мѣста.

Въ это время случилось новое несчастье: струя пара вырвалась изъ котла и ошпарила лицо его старику-отцу, такъ что бѣдняга навѣки остался слѣпымъ. Жена его, мать Георга, умерла еще ранѣе и вся многочисленная семья отца оказалась вдругъ на рукахъ у Георга. Онъ долженъ былъ ее содержать. И вновь для Георга потянулись безконечные труды, въ видѣ работы около машины, часового и сапожнаго ремесль и столярныхъ работъ.

Но вотъ въ одной изъ копей испортилась водокачальная машина. Она работала такъ плохо, что весь рудникъ былъ залитъ водой и работы въ кояхъ должны были прекратиться. Какъ ни хитрили съ машиной ученые инженеры, она не хотѣла ихъ слушаться и продолжала бездѣйствовать. Тогда изъ толпы рабочихъ вышелъ Георгъ Стифенсонъ и обратился къ главному инженеру:

— Я могу исправить эту машину! сказалъ онъ.

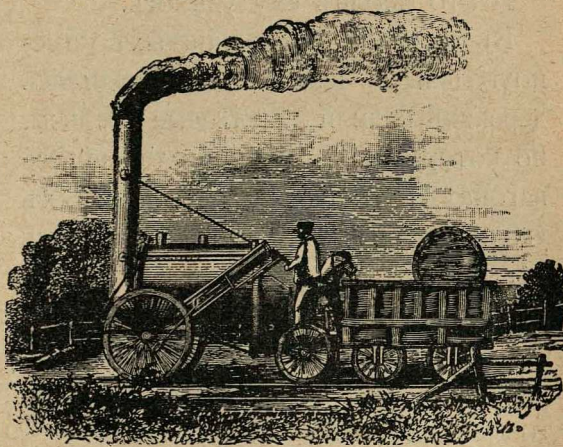
Инженеръ недовѣрчиво оглядѣлъ его съ ногъ до головы и такъ какъ въ машинѣ нечего уже было портить дальше, то онъ махнулъ рукою и сказалъ:

— Дѣлай, что хочешь.

Стифенсонъ спустился въ рудникъ, развинтилъ машину, вытащилъ ее наверхъ, узналъ, въ чемъ въ ней секретъ, и собравъ ее, снова спустилъ ее внизъ.

Черезъ двое сутокъ машина заработала отлично, вода была выкачена вся и работы въ рудникѣ возобновились. За эту работу Стифенсонъ получилъ 100 рублей награды и должность механика съ жалованьемъ по 1000 руб. въ годъ. Этому онъ и самъ не могъ ожидать. Теперь онъ былъ богатъ.

И онъ принялся за самообразование. По мѣрѣ того, какъ подрасталъ его сынъ Робертъ, онъ образовывалъ

Первый локомотивъ Стифенсона.

и его и когда мальчику исполнилось 12 лѣтъ, то оба они были настолько образованы, что могли поспорить съ любымъ ученымъ инженеромъ. Но чтобы завлечь сына и возбудить въ немъ интересъ къ занятіямъ, Георгъ Стифенсонъ вмѣстѣ съ нимъ устраивалъ разныя забавныя штуки: лампу, горящую подъ водой, замокъ, который могъ запереть и отпереть только одинъ Робертъ, желѣзнаго человѣка, который, быстро перебирая ногами, бѣгалъ по полу и т. д.

Наконецъ Робертъ поступилъ въ Инженерное училище, а самъ Стифенсонъ былъ уже принятъ въ общество инженеровъ и сталъ получать большія деньги.

Теперь онъ сталъ серьезно подумывать объ изобрѣтеніи такой машины, которая могла-бы перевозить съ мѣста на мѣсто людей и вполнѣ замѣнила-бы собою лошадей. Однимъ словомъ, онъ задумалъ устроить локомотивъ и желѣзнодорожный путь.

И это вполнѣ ему удалось.

Въ то время около каждаго каменноугольныхъ шахтъ уже вводились деревянные или желѣзные рельсы, по которымъ въ грубо сколоченныхъ вагонахъ перевозили на лошадахъ уголь. Съ другой стороны уже явились нѣкоторые изобрѣтатели, которые предлагали дѣйствовавшіе посредствомъ пара дилижансы, очень медленно ходившіе по простымъ, грунтовымъ дорогамъ безъ рельсъ.

Стифенсонъ-же задался цѣлью поставить такой дилижансъ на рельсы и пустить его бѣгать туда, куда они его поведутъ. Такимъ образомъ дѣло упрощалось: вмѣсто того, чтобы направлять дилижансъ туда или сюда, стоило только одинъ разъ навсегда устроить рельсы и они уже поведутъ дилижансъ, куда хотятъ. Но были попытки поставить паровую машину на рельсы и до Стифенсона, но всѣ онѣ окончились неудачей, потому что никому и въ голову не приходило, что самыя рельсы и колеса локомотива должны быть совершенно гладкими,

а всѣ дѣлали какъ рельсы, такъ и колеса зубчатыми. Благодаря этому такіе локомотивы шли черепашимъ шагомъ, часто ломались и гремѣли такъ, что нельзя было близко говорить.

Стифенсонъ заперся у себя въ домикъ и сталъ дѣлать игрушечный паровой локомотивъ. Сдѣлавъ его, онъ прикрѣпилъ къ нему совершенно гладкія колеса, поставилъ ихъ на совершенно гладкія рельсы и—о, диво, локомотивъ побѣжалъ по рельсамъ во весь духъ. Это обрадовало Стифенсона.

Онъ спряталъ свой локомотивчикъ и отправился на копи нѣкоего Блэкета, у котораго, какъ черепаха, тащился неуклюжій паровозъ съ зубчатыми колесами и гремѣлъ.

— Хотите, я сдѣлаю такъ, обратился къ Блэкету Стифенсонъ, что вашъ локомотивъ побѣжитъ гораздо скорѣе и повезетъ за собою много вагоновъ?

— Конечно, хочу, отвѣтилъ Блэкетъ, — но что-же для этого нужно сдѣлать?

— Разрѣшите мнѣ сломать ваши рельсы и ваши колеса на паровозѣ.

Блэкетъ разрѣшилъ ему и онъ тотчасъ-же замѣнилъ зубчатые рельсы и зубчатые колеса гладкими. И, къ изумленію всѣхъ, локомотивъ быстро помчался и потащилъ за собою нѣсколько груженныхъ вагоновъ.

— Ура Стифенсону! закричали рабочіе. — Да здравствуетъ Георгъ Стифенсонъ!

Объ этомъ успѣхѣ Стифенсона прослышалъ богатый лордъ Рэвен-

вортъ. Онъ пріѣхалъ къ Стифенсону и поручилъ ему проводить желѣзную дорогу у него въ имѣніи. Стифенсонъ обрадовался предложенію и быстро принялся за работу. Скоро онъ соорудилъ свой первый локомотивъ, но онъ былъ совершенно непохожъ на тѣ локомотивы, которые насъ возятъ теперь. У него была высокая труба, всего два колеса, и запасную воду для него везли не въ тендерѣ, какъ теперь, а просто въ бочкѣ. Тѣмъ не менѣе локомотивъ этотъ оказался настолько удачнымъ, что всѣ въ удивленіи разводили руками и разввали рты. Къ сожалѣнію, онъ такъ громко и рѣзко шипѣлъ, что его пугались лошади и люди и каждую минуту казалось, что его вотъ—вотъ сейчасъ взорветъ. Но Стифенсонъ скоро устранилъ этотъ недостатокъ, выпустивъ этотъ отработавшій паръ тоже въ дымовую трубу, отчего тяга стала еще сильнѣе, печки заработали лучше и длинную трубу явилась возможность укоротить.

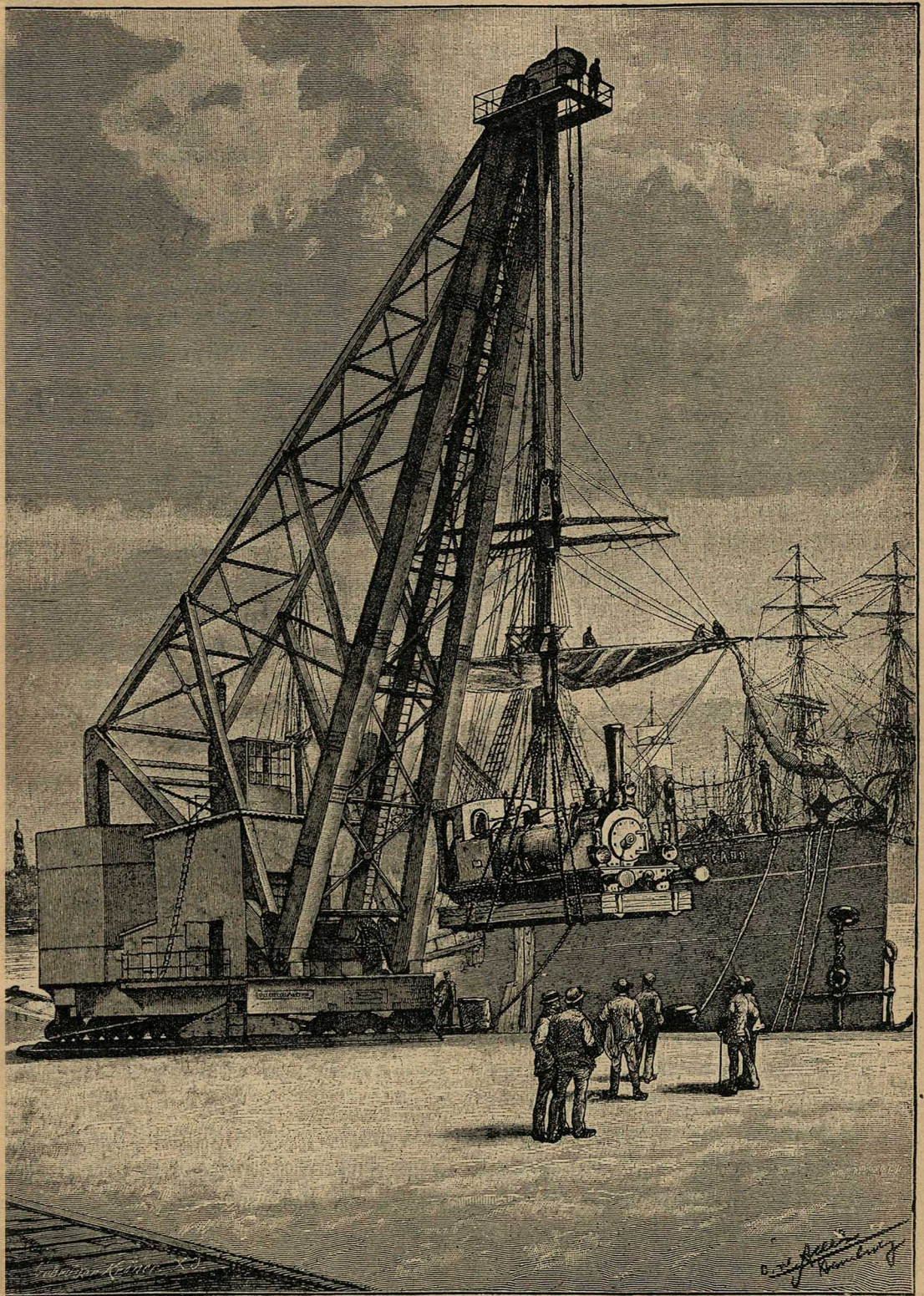
Этотъ первый локомотивъ былъ выстроенъ Стифенсономъ въ 1816 году и съ тѣхъ поръ желѣзнодорожное дѣло пошло быстрыми шагами впередъ. Но катастрофы стали случаться одна за другой: то локомотивъ не могъ втащить поѣздъ на гору и вагоны отрывались отъ него и бѣшено катились внизъ, а то поѣздъ стремглавъ катился внизъ съ горы и не было средства его остановить. Конечно, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ вагоны

и часто самъ локомотивъ разбивались вдребезги. Но Стифенсонъ не потерялся. Онъ придумалъ такое устройство пути, въ которомъ на всей линіи рельсы должны были находиться на одной высотѣ, т. е. онъ ввелъ насыпи и выемки и сколько-бы верстъ поѣздъ ни шель, онъ никогда не поднимался круто въ гору и не спускался стремглавъ внизъ. Такое устройство пути, придуманное Стифенсономъ, составило собою цѣлую науку, изучивъ которую, человѣкъ становился инженеромъ путей сообщенія. Устроивъ такой ровный рельсовый путь, Стифенсонъ самъ проѣхалъ на своемъ локомотивѣ, который тащилъ 17 груженныхъ вагоновъ и дѣлалъ по шести верстъ въ часъ. Такая быстрота въ то время казалась прямо невѣроятной и стоявшій по обѣ стороны пути народъ шумно привѣтствовалъ Стифенсона и кричалъ ему «ура».

Тогда возникла мысль устроить желѣзную дорогу между двумя маленькими городками Стоктономъ и Дарлингтономъ. Большіе богачи Пизы, которымъ выдано было разрѣшеніе на эту постройку, не будучи знакомы съ Стифенсономъ, послали ему письмо съ приглашеніемъ взять на себя всѣ работы по этой постройкѣ. Письмо къ нему они адресовали такъ: «Господину главному Инженеру Стифенсону». А такъ какъ никто такого «главнаго инженера» не зналъ, то почтальонъ долго блуждалъ, не зная, какъ доставить письмо, пока наконецъ одна

Мусульмане на молитвъ въ пустынь.

Погрузка локомотива на пароходъ.

изъ женщинъ не догадалась, въ чемъ дѣло.

— Это навѣрное письмо къ нашему «механику Георгу», сказала она. — Онъ тоже Стифенсонъ.

Получивъ приглашеніе, Стифенсонъ съ радостью принялся за дѣло и сталъ проводить у Пизовъ желѣзную дорогу. Но такъ какъ для новой желѣзной дороги нужны были локомотивы и вагоны, то прежде всего нужно было устроить механическій заводъ. Этотъ заводъ устроилъ для Пизовъ сынъ Георга Робертъ, который былъ теперь уже инженеромъ. Это былъ первый паровозо-вагонный заводъ во всемъ свѣтѣ. Съ легкой руки Роберта они стали строиться въ каждой странѣ и нѣтъ теперь такого государства, въ которомъ не было бы и желѣзнодорожныхъ мастерскихъ.

27-го Сентября 1825 года Георгъ Стифенсонъ, при громадномъ стеченіи народа, открылъ движеніе по своей новой дорогѣ изъ Стоктона въ Дарлингтонъ. Первый поѣздъ тянулъ 36 груженныхъ вагоновъ и шель со скоростью 16 верстъ въ часъ. Это такъ всѣхъ поразило, что имя Стифенсона было у всѣхъ на устахъ.

Тогда само уже англійское правительство затѣяло постройку желѣзнодорожной линіи между Манчестеромъ и Ливерпулемъ. Но у Стифенсона нашлись завистники, которые стали говорить, что локомотивъ его никуда не годится и что можно изобрѣсти гораздо лучшіе локомо-

тивы, что Стифенсонъ желаетъ только наживаться на чужой счетъ и мочить публику. Слухи эти дошли до самого Стифенсона и онъ рѣшилъ совершенно уклониться отъ дѣла и предоставить выполнение его другимъ. По его совѣту было устроено такъ: въ газетахъ было напечатано объявленіе, что каждый можетъ представить для новой дороги изобрѣтенный имъ локомотивъ, но только долженъ назвать его какимъ-нибудь именемъ, скрывъ свое собственное имя. Къ локомотиву долженъ былъ быть представленъ конвертъ, на которомъ должно быть написано имя локомотива, а въ самомъ конвертѣ должна была находиться бумага, на которой нужно было написать имя самого изобрѣтателя. Такимъ образомъ появилось пять локомотивовъ разныхъ изобрѣтателей: «Левіафанъ», «Сильный», «Быстрый», «Лондонъ» и «Ракета» и никто не зналъ, кто ихъ изобрѣтатели. Когда испытали всѣ эти локомотивы, то «Ракета» оказалась лучше всѣхъ. Она везла поѣздъ со скоростью 24 версты въ часъ. Это поразило всѣхъ.

— Ну, теперь Стифенсону отставка! раздавались голоса. — Долой Стифенсона! Нашелся изобрѣтатель лучше его!

Теперь нужно было узнать, кто изобрѣлъ этотъ новый быстроходный локомотивъ. Для этого нужно было вскрыть конвертъ съ надписью «Ракета» и прочесть въ немъ имя изобрѣтателя.

Когда конвертъ вскрыли и вытащили изъ него бумагу съ именемъ изобрѣтателя, то на ней оказалась слѣдующая надпись: «Георгъ Стифенсонъ».

Значить, и эту «Ракету» изобрѣлъ тотъ же великій изобрѣтатель Стифенсонъ.

Тогда, не разговаривая уже ни о чемъ, Стифенсону предложили строить всю линію Ливерпуль — Манчестеръ и сплетни рушились сами собой.

Построивъ эту линію, Стифенсонъ сталъ большимъ богачемъ. Слава его стала расти не по днямъ, а по часамъ, а вмѣстѣ съ ней и слава его сына Роберта, который во всемъ содѣйствовалъ и помогаль отцу.

Услышаль о Стифенсонѣ и Бельгійскій король Леопольдъ. Онъ лично написалъ ему письмо съ просьбой принять на себя устройство всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ Бельгійи и когда Стифенсонъ пріѣхаль туда, то Леопольдъ приказаль оказать ему королевскія почести. И вотъ передъ бѣднымъ пастухомъ, простымъ механикомъ Стифенсономъ, при вѣздѣ его въ столицу Бельгійи, шли солдаты, гремѣла музыка, развѣвались флаги и всѣ жители кричали «ура». Онъ скромно выполнилъ возложенное на него королемъ порученіе и возвратился къ себѣ на родину.

По возвращеніи онъ получилъ новое приглашеніе: его звалъ къ себѣ испанскій король, чтобы провести желѣзныя дороги въ Испаніи. Стифенсонъ поспѣшилъ туда и скоро и

тамъ забѣгали его локомотивы. Имя Стифенсона гремѣло теперь по всему свѣту и не было страны, которая бы его не приглашала.

Сдѣлавшись богатымъ, Стифенсонъ купилъ себѣ имѣніе Тентонъ и поселился въ немъ навсегда, совершенно удалившись отъ дѣлъ. Онъ сдѣлаль все, что считаль себя обязаннымъ исполнить, и теперь могъ удалиться на покой. Здѣсь, въ Тентонѣ, онъ щедрой рукой раздаваль свое богатство бѣднымъ, а самъ занимался разведеніемъ цвѣтовъ и огородничествомъ. Объ его громадной капустѣ и огромныхъ дыняхъ съ завистью говорили сосѣди, а лучше его пасѣки не было нигдѣ. Но больше всего Стифенсонъ любилъ птицъ: по всей его усадьбѣ шныряли птицы, а весь его домъ былъ буквально ими переполненъ: онѣ летали по всѣмъ его комнатамъ, садились ему на голову и на плечи и онъ имъ не мѣшалъ и ласково ихъ кормилъ.

Стифенсонъ умеръ 67-лѣтъ. Незадолго передъ смертью онъ былъ приглашенъ въ Общество инженеровъ, которое пожелало его чествовать. Здѣсь, принявъ отъ нихъ привѣтствіе, онъ сказаль имъ слѣдующія, скромныя слова:

«Я стою передъ вами, господа инженеры, съ почтительностью, потому что я до сихъ поръ только простой механикъ-самоучка. Я вышелъ изъ такого низкаго сословія, къ которому никогда не принадлежалъ даже самый низайшій изъ

васъ. Чему же я обязанъ тѣмъ, что вы такъ привѣтливо ласкаете меня? Думаю, что только тому, что я сумѣлъ всю свою жизнь быть настойчивымъ и добиваться цѣли».

Они отвѣтили ему громомъ рукоплесканій.

Позднѣе, въ 1862 году, Стифенсону былъ поставленъ памятникъ въ Нью-Кестлѣ противъ того самаго локомотивнаго завода, который онъ самъ же и основаль.

Гномъ.

ВЪ ДѢТСКОЙ.

Когда вы ляжете въ кроватки,
И передъ образомъ лампадка
Свой тихій свѣтъ на васъ прольетъ,
То послѣ долгихъ игръ и бѣга
Охватятъ васъ покой и нѣга
И благодатный сонъ сойдетъ.
Тогда закроете вы глазки
И вотъ, тихонько, съ нѣжной лаской
Къ вамъ мама въ дѣтскую войдетъ.

Она поправитъ одѣяла,
Огня прибавитъ, если мало,
Или убавитъ, коль горитъ
Въ углу лампадка слишкомъ ярко;
Окно откроетъ, если жарко,
И трижды васъ благословитъ.
И скажетъ: — «Милые ребятки,
Устали вы... Такъ спите-жъ сладко,
Пусть ангелъ Божій васъ хранитъ!»

И такъ же тихо, чуть замѣтно,
Съ послѣдней ласкою привѣтной
Она начнетъ васъ цѣловать...

А вы, во снѣ открывши глазки
И не замѣтивъ ея ласки,
Начнете крѣпко засыпать...

Ну кто-жъ другой такъ приласкаетъ?
Кто такъ вамъ счастья пожелаетъ,
Кто васъ прижметъ, какъ ваша мать?

Кузнечикъ.

ПУЛЬКА.

Богатый фабрикантъ Кукуевъ, еще совсѣмъ не старый, но совершенно одинокій человѣкъ, вдругъ почувствовалъ какую-то странную боль въ груди, отъ которой онъ сталъ худѣть съ каждымъ днемъ. Это стало его беспокоить, онъ пригласилъ къ себѣ врача и врачъ объявилъ ему, что если онъ немедленно не уѣдетъ въ теплые края, то ему придется проститься съ жизнью.

Кукуевъ испугался, поѣхалъ въ Москву, чтобы посоветоваться тамъ съ знаменитыми профессорами, но и тѣ ему сказали то-же: ему необходимо было во что-бы то ни стало поскорѣе, до наступленія осени, уѣхать въ теплые края, иначе будетъ худо.

Съ болью въ груди и съ печалью на сердцѣ возвратился Кукуевъ къ себѣ на фабрику. Тамъ онъ съ глубокимъ вздохомъ призвалъ своихъ прикащиковъ и объявилъ имъ, что уѣзжаетъ по совѣту докторовъ въ Египетъ. Они помялись, пожалѣли, пообѣщали ему, что все будетъ обстоять безъ него благополучно, и ушли на фабрику.

— Какъ жаль, что я совсѣмъ одинокъ, подумалъ Кукуевъ. — Если-бы у меня была жена, то замѣнила-бы меня она. За всю свою трудовую жизнь я не успѣлъ даже обзавестись близкимъ, искреннимъ другомъ, на котораго могъ бы положиться... Только и есть одна Пулька...

Пулька была маленькая собачка, почти дворняшка, которая жила вмѣстѣ съ нимъ и всегда радостно виляла передъ нимъ хвостомъ. Какъ-то выйдя зимою изъ фабрики, онъ наткнулся на нее въ темнотѣ и приютилъ ее у себя.

— Куда-же мнѣ дѣтъ Пульку? подумалъ онъ, когда вещи его были уже уложены. — Взять ее съ собой — далеко; оставить здѣсь одну — тоже невозможно, такъ какъ на все время отсутствія я отпускаю прислугу на родину. Вотъ что, обрадовался онъ, — отдамъ-ка я ее своему конторщику, пусть онъ ее побережетъ... А я приѣду и ему кое-что заплачу.

Онъ позвалъ къ себѣ конторщика, поручилъ ему Пульку, а затѣмъ простился со всѣми и уѣхалъ въ Египетъ.

Вскорѣ послѣ его отъѣзда старшій приказчикъ, которому было поручено управленіе фабрикой, о чемъ-то повздорилъ съ конторщикомъ и отказалъ ему отъ мѣста. Захвативъ съ собою Пульку, конторщикъ переѣхалъ на жительство въ Москву, купилъ для нея ошейникъ и приказалъ мастеру сдѣлать на немъ надпись слѣдующаго содержанія:

«Пулька. Пятницкій переулокъ, домъ № 68, кв. № 12».

«Если и пропадетъ собака», думалъ онъ, — «то по этому моему адресу все равно мнѣ ее доставятъ».

Но дѣла конторщика въ Москвѣ пошли неудачно, онъ нигдѣ не могъ найти себѣ должности и скоро принужденъ былъ съѣхать на другую квартиру подешевле. Не прошло и четырехъ мѣсяцевъ, какъ онъ очутился уже въ одной жалкой комнатѣ, гдѣ-то на окраинахъ Москвы и въ свою очередь заболѣлъ.

Послѣ грязной, продолжительной осени наступила наконецъ суровая московская зима.

Жившая въ другомъ концѣ Москвы, г-жа Петрова послѣ цѣлаго ряда визитовъ возвратилась домой и, нѣжно обнявъ дѣтей, которыя, въ ожиданіи ея, скромно играли въ какую-то игру съ гувернанткой, вошла къ себѣ въ спальню; здѣсь горѣлъ огонь въ каминѣ, и она стала раздѣваться.

У нея очень озябли ноги. Накинувъ на себя халатикъ, она подошла къ камину и только что хотѣла поставить ногу на чугунную перекладину передъ огнемъ, чтобы погрѣть ее, какъ послышалось какое-то странное ворчанье. Она чувствовала, что на что-то наступила мягкое и потому въ ужасѣ отскочила прочь и издала пронзительный крикъ.

Растянувшись на медвѣжьей шкурѣ, разостланной передъ огнемъ, въ спальней лежала какая-то почти дворовая собака, желтенькая, небольшого роста, и грѣлась.

— Это что за собаченка? воскликнула г-жа Петрова. — Откуда она? Кто смѣлъ впустить ее ко мнѣ въ спальню?

Собака догадалась, что ея присутствіе обезпокоило даму, потому что, завилывъ хвостомъ и виновато осклабивъ зубы, она поползла къ ней по шкурѣ на животѣ.

— Прочь, прочь! закричала дама. — Я вижу, ты воспитанная собака, но я тебя вовсе не знаю и знать не хочу. Твое мѣсто гдѣ-нибудь на кухнѣ, а вовсе не здѣсь!

И, нагнувшись надъ собакой, она хотѣла ее отъ себя отстранить.

— Да постой... продолжала она. — Кажется у тебя на ошейникѣ есть надпись, чья ты. Мы сейчасъ узнаемъ, кто твой хозяинъ.

И, нагнувшись надъ ней, она прочитала:

«Пулька. Пятницкій пер., домъ № 68, кв. № 12».

— Какая досада! сказала она. — Такъ далеко! Теперь придется везти ее чуть не черезъ всю Москву... Но я все-таки желала-бы знать, какъ она попала ко мнѣ въ спальню?

Она позвала своихъ дѣтей, которыя при видѣ собаки закричали отъ радости и стали ее ласкать. Они даже и не подозрѣвали ея присутствія въ ихъ домѣ.

Тогда г-жа Петрова позвонила прислугѣ. И горничная, и кухарка тоже никакъ не могли понять, какимъ образомъ собака могла проникнуть въ домъ, и стали ее безжалостно тащить за шиворотъ вонъ. Г-жа Петрова имъ это запретила.

— А я такъ полагаю, барыня, сказала наконецъ кухарка. — У меня

въ кухнѣ давеча сбѣжало молоко и я настезъ растворила дверь на черную лѣстницу, чтобы чадъ-то пронесло. Въ это время дворникъ вносилъ къ намъ дрова, а Настя пошла топить ими въ вашей спальнѣ каминъ. Надо быть, собака воспользовалась этимъ и вбѣжала къ вамъ въ спальню, когда двери были открыты.

— Такъ вы возьмите эту собаку, сказала г-жа Петрова,—и передайте ее швейцару. Пусть онъ отнесетъ ее по указанному на ошейникѣ адресу. Ему дадутъ за это на чай!

Горничная взяла Пульку и понесла ее внизъ къ швейцару.

Въ надеждѣ получить вознагражденіе, швейцаръ на другой же день отправился съ Пулкой въ Пятницкій переулокъ.

— Опять эту подлую собаку приносятъ ко мнѣ! въ негодованіи воскликнулъ дворникъ дома № 68. — Ну, что мнѣ съ ней дѣлать? Ужъ того и господина давно здѣсь нѣтъ, который ее привезъ съ собою, и я не знаю, гдѣ и онъ. Каждый день я гоню эту проклятую собаку, а она или приходитъ назадъ сама, или-же ее приносятъ ко мнѣ другіе! Не желаю я ее принимать! Пусть идетъ, куда знаетъ!

— Что же мнѣ съ ней дѣлать? спросилъ швейцаръ.

— Брось ее гдѣ-нибудь подальше отсюда, посоветовалъ дворникъ. — Быть можетъ ее подберетъ какая-нибудь старая вдовица или схватитъ фурщикъ и отправитъ на тотъ свѣтъ!

— Ну, это ты можешь сдѣлать и самъ... сказалъ швейцаръ и, недвольный, зашагалъ домой.

Всю дорогу Пулька слѣдовала за нимъ, но онъ этого не замѣчалъ. Прийдя домой, онъ отдалъ отчетъ г-жѣ Петровой относительно собаки и снова сталъ у своей парадной двери.

На слѣдующее утро опять повторилась та-же исторія. Едва только дѣти г-жи Петровой Нина и Боря проснулись на своихъ кроваткахъ и открыли глаза, какъ они увидѣли тутъ-же, въ дѣтской, Пульку. Она сидѣла на коврикѣ недалеко отъ нихъ и смотрѣла на нихъ умоляющими глазами. Дѣти съ визгомъ соскочили съ кровати и, какъ были, не одѣтыя, въ одномъ бѣльѣ, бросились въ столовую и принесли оттуда хлѣба и молока.

И на этотъ разъ положительно никто не могъ понять, какъ собака могла пробраться прямо въ дѣтскую. Спросили швейцара, кухарку, горничную, но всѣ они совершенно ничего не знали. Оставалось предположить, что Пулька опять прошла въ квартиру вслѣдъ за дворникомъ, когда онъ вносилъ въ квартиру дрова. Да такъ оно и было.

На этотъ разъ Пульку безжалостно выгнали прямо на улицу. Она поджала хвостъ и послушно вышла изъ квартиры.

Три дня спустя, когда всѣ въ домѣ уже совсѣмъ о ней забыли, г-жа Петрова подѣхала къ крыльцу своего дома на извозчикѣ. Она ѣздила за

Цвѣты.

Собирание морской травы для набивки мебели и матрацовъ.

покупками. Подойдя къ двери, она увидала на ступенькѣ Пульку. Свернувшись калачикомъ, собака дрожала отъ холода. Видно было, что она была голодна и уже давно не могла согрѣться.

«Надо приказать, чтобы ее отвели въ полицію», подумала г-жа Петрова. — «Пусть съ нею поступятъ тамъ, какъ хотятъ!»

Но рѣшиться на это сразу она не смогла. Увидѣвъ ее, собака встала на лапки, начала вертѣться около ея подола, скулить и смотрѣть на нее жалобными глазами. Г-жѣ Петровой стало жаль ее, она вспомнила, какъ три дня тому назадъ Пулкѣ обрадовались Нина и Боря, и впустила ее за собою въ дверь.

— Пусть эта собака войдетъ за мной, сказала она швейцару. — Ее надо покормить.

Вечеромъ того-же дня г-жа Петрова поговорила со своимъ мужемъ, онъ согласился и Пулька была оставлена у Нины и Бори навсегда.

Прошло нѣсколько дней и родители, дѣти, прислуга, однимъ словомъ — всѣ въ домѣ, привязались къ Пулкѣ и теперь уже ни за что на свѣтѣ не согласились-бы съ ней разстаться. А Пулька оказалась такой славной собачкой, такой умной, воспитанной, веселой, что, казалось, съ перваго взгляда понимала все, что ей говорили или что происходило вокругъ нея. Если-же за ней и случалась иной разъ какая-нибудь вина, то г-жа Петрова качала головой и говорила:

— Ай-ай-ай, Пулька, какъ тебѣ не стыдно?

И Пулька съ полнымъ сознаниемъ вины ложилась на спину и подставляла свою грудь, точно хотѣла этимъ сказать:

— Что-жъ, я сознаю, что поступила плохо. Если хочешь, пронзи мнѣ грудь и я покорно и съ радостью отъ тебя умру.

Прошло три года. Для дѣтей они пролетѣли, какъ сонъ, но какъ все втеченіе ихъ измѣнилось! Изъ богатой, зажиточной семьи Петровыхъ стали теперь несчастные бѣдняки, едва сводившіе концы съ концами, такъ какъ та торговая фирма, которою управлялъ Петровъ-отецъ, разорилась и онъ остался вовсе безъ мѣста. Пришлось расчитать прислугъ, перемѣнить когда-то роскошную квартиру на жалкую квартирку, гдѣ-то на Прѣснѣ, и продать всю свою богатую обстановку. Г-нъ Петровъ нашелъ наконецъ какую-то маленькую должность, гдѣ его трудъ оплачивался ничтожными крохами, но кормить семью было трудно и изъ управлявшаго людьми онъ попалъ самъ подъ начало другихъ. Но онъ безропотно это переносилъ и въ потѣ лица зарабатывалъ свой хлѣбъ.

Что-же стало за это время съ Пулкой? Въ другихъ семьяхъ, съ которыми случилось бы подобное несчастье, ее давно уже продали бы или выбросили бы вонъ, такъ какъ кому охота кормить ее, не говоря уже о собачьемъ налогѣ, который приходит-

ся платить за комнатныхъ собакъ? Но нѣтъ; въ семьѣ Петровыхъ даже и слышать не хотѣли, чтобы разстаться съ Пулькой. Рѣшили держать ее при себѣ до послѣдней крайности, а что будетъ дальше, про то вѣдаетъ Богъ. И Пулька, казалось, понимала всю перемену, происшедшую въ семьѣ, и изъ прежней сластены превратилась вдругъ въ строгую, экономную собаку: она стала мало ѣсть, ѣла только черный хлѣбъ и, повидимому, нарочно долго оставалась на улицѣ, когда выбѣгала гулять, чтобы раздобыть себѣ гдѣ-нибудь ѣды въ другомъ мѣстѣ или подольше не ѣсть того, что ей приготавливали дома.

Но въ одинъ день она исчезла совсѣмъ.

Ее выпустили гулять черезъ черную дверь, она выбѣжала на улицу и ужъ больше не возвращалась.

Теперь ужъ, когда вся семья садилась за свой скудный обѣдъ, она не стояла въ своемъ уголкѣ и не виляла хвостомъ. Это было замѣтно и всѣ по ней скучали. Вѣроятно, думали они, съ ней случилось какое-нибудь несчастье или кто-нибудь ее укралъ. Дѣти часто плакали о ней, и, потерявъ наконецъ надежду на ея возвращеніе, стали просить свою мать, чтобы она напечатала о ней объявленіе въ газетѣ. На послѣднія деньги г-жа Петрова помѣстила въ одной изъ газетъ объявленіе объ ея пропажѣ, но изъ этого ничего не вышло.

— Значить, наша Пулька про-

пала совсѣмъ, вздохнула г-жа Петрова.

— А можетъ быть, ее раздавилъ трамвай... сказали дѣти.

— Можетъ быть и раздавилъ, вздохнула мать и молча принялась за шитье.

Какъ вдругъ послышалось чье-то царапанье въ дверь. Звукъ этотъ былъ знакомъ дѣтямъ уже давно и они радостно повскакали со своихъ мѣстъ.

— Это она! Это она! закричали они и со всѣхъ ногъ бросились къ двери, чтобы отворить собакѣ.

И, дѣйствительно, въ дверь вошла Пулька. Теперь она гордо виляла хвостомъ, глаза у нея сверкали, но, увидѣвъ своихъ друзей, она не выдержала характера и съ радостнымъ визгомъ бросилась къ нимъ, стала прыгать и лизать имъ руки и лица.

— Пулька! Пулька! кричали дѣти и не знали, какъ ее приласкать.— Наконецъ-то ты опять у насъ, наконецъ-то ты нашлась! А мы такъ безъ тебя скучали...

Въ это время, вслѣдъ за Пулькой, въ комнату вошелъ какой-то высокій худой, загорѣвшій господинъ. Это былъ богатый фабрикантъ Кукуевъ. Онъ давно уже возвратился изъ Египта, гдѣ совершенно излечился отъ своей болѣзни, и вотъ по дѣламъ пріѣхалъ теперь въ Москву. Онъ по-прежнему былъ одинокъ и по-прежнему лично управлялъ всей своей громадной фабрикой. Дѣла его шли блестяще. Онъ многое дѣлалъ для

рабочихъ и рабочіе его обожали. По мѣрѣ того, какъ онъ богатѣлъ, онъ устраивалъ разныя благотворительныя учрежденія, обезпечивалъ рабочихъ подѣ старость, облегчалъ жизнь ихъ семьямъ, давалъ образованіе ихъ дѣтямъ. Въ этомъ онъ находилъ какое-то высшее для себя удовольствіе и это наполняло его жизнь. Единственно, что заставляло его глубоко вздохнуть, это было его полное одиночество, отсутствіе друга, на котораго онъ могъ бы положиться, и семьи, которую онъ любилъ бы, какъ свою.

Когда онъ вошелъ вслѣдъ за Пулькой къ Петровымъ, всѣ вопрошительно и съ безпокойствомъ подняли на него глаза. Онъ вѣжливо раскланялся съ ними и извинился за такой безцеремонный приходъ.

— Я только на этихъ дняхъ пріѣхалъ въ Москву изъ глухой провинціи, сказалъ онъ.— Тамъ у меня есть кой-какая собственность и я пріѣхалъ по дѣламъ, которыя связаны съ обладаніемъ ею. Я остановился здѣсь въ гостинницѣ и завтра думаю уже уѣхать. Живу здѣсь уже около трехъ недѣль. Однажды я прогуливался здѣсь по бульвару и вдругъ споткнулся обо что-то и чуть не упалъ: оказалось, что я чуть было не наступилъ на эту собаку. Она вертѣлась у моихъ ногъ, бросалась ко мнѣ на грудь, а когда я сѣлъ на лавочку, то она вспрыгнула ко мнѣ на колѣни, стала меня лизать и всѣми мѣрами старалась показать мнѣ, какъ она обрадовалась, узнавъ своего

старога хозяина; — это Пулька, моя собачка, которая жила у меня въ провинціи, и я ужъ не знаю, какимъ именно образомъ она попала сюда къ вамъ въ Москву. Я тоже очень обрадовался ей и, приласкавъ ее, прямо съ бульвара отправился къ себѣ въ гостинницу. Она весело послѣдовала за мной.

Онъ отеръ платкомъ себѣ лицо. Точно понявъ, что говорятъ именно о ней, Пулька молча сидѣла противъ своего прежняго хозяина и не двигала ни однимъ членомъ. Дѣтямъ было жаль, что она принадлежала теперь не имъ.

— Всякій разъ, какъ я выходилъ изъ гостинницы,—продолжалъ господинъ, — Пулька слѣдовала за мной. Едва только я выходилъ съ ней на улицу, какъ она хватала меня за край моего пальто и старалась меня куда-то потащить. Сначала я не понималъ ее и отгонялъ, но она дѣлала это все настойчивѣе, пока наконецъ я не убѣдился, что она серьезно хочетъ меня куда-то провести. Сегодня я далъ ей полную свободу и она провела меня прямо къ вамъ. Теперь я догадываюсь, что вы были добрыми хозяевами моей собаки. Я вижу, что она васъ любитъ и очень прошу васъ принять мою глубокую благодарность за то, что вы спасли ее отъ голодной смерти и пріютили у себя.

Въ это время раздалась громкія рыданія дѣтей. Нина и Боря плакали въ три ручья.

— Значитъ, теперь вы возьмете Пульку къ себѣ?—говорили они всхли-
пывая и вытирая кулачками слезы.—
Теперь мы останемся одни безъ нея?..

— Что-жъ дѣлать?—вздохнула и
ихъ мать.—Будемъ довольны и тѣмъ,
что Пулька прожила у насъ уже
столько времени... Она нашла своего
настоящаго хозяина...

Фабрикантъ подошелъ къ дѣтямъ,
сѣлъ, посадилъ ихъ къ себѣ на ко-
лѣни и каждому изъ нихъ пооче-
редно вытеръ слезы носовымъ плат-
комъ.

— Ну, хорошо, сказалъ онъ.—
Пусть до завтра Пулька останется
у васъ... А завтра мы увидимъ...

Затѣмъ онъ разговаривалъ съ г-жей
Петровой и ея дѣтьми. Ихъ воспи-
танность, ласковый, задушевный,
искренній тонъ и ихъ нищета тро-
нули его; онъ снялъ съ себя пальто
и такъ же просто вновь усѣлся на
стулъ и сталъ заигрывать съ дѣтьми.

— Вы ужъ позвольте мнѣ у васъ
посидѣть, — сказалъ онъ. — Я такъ
давно не былъ въ семьѣ!

Г-жѣ Петровой понравились его
искренность и простота, она разго-
ворилась съ нимъ и, какъ это часто
бываетъ, раскрыла передъ нимъ всю
свою душу и подъ конецъ не вы-
держала и разрыдалась. Онъ зналъ
цѣну этимъ ея великимъ слезамъ, а
потому не старался ее утѣшать, а
далъ ей свободно выплакаться и все
время молчалъ.

Наступилъ вечеръ, а Кукуевъ все
сидѣлъ и сидѣлъ у Петровыхъ и это

не казалось страннымъ ни ему, ни
Петровымъ, такъ какъ между нимъ
и ими установилась сразу та правда
отношеній, которая всегда суще-
ствуетъ между хорошими людьми.
Ему было пріятно, что онъ попалъ
въ семью, по которой уже давно
тосковала его душа, а они были рады
видѣть въ немъ человѣка, который
оцѣнилъ ихъ, не обративъ вниманія

...Она сидѣла на коврикѣ.

на то, что они были теперь такъ
бѣдны. А сколько друзей покинуло
ихъ съ тѣхъ поръ, какъ они обѣднѣли!

Затѣмъ вернулся папа со службы.
Усталый, разбитый, онъ вошелъ къ
себѣ въ квартиру, хотѣлъ было бро-
ситься къ женѣ и дѣтямъ, чтобы
ихъ обнять, но, увидѣвъ чужого че-
ловѣка, въ недоумѣннн остановился
у порога. Но, замѣтивъ, какъ отно-
силась уже къ незнакомцу его семья,

онъ подошелъ къ нему, протянулъ ему руку и, не зная еще, кто онъ такой, ласково и привѣтливо ему сказалъ:

— Очень радъ видѣть васъ у себя... Будемте знакомы!

Настала ночь, дѣти простились со старшими и ушли къ себѣ спать, а богатый фабрикантъ все сидѣлъ и сидѣлъ у Петровыхъ и ему казалось, что время летитъ, какъ стрѣла, и что онъ не разстанется съ ними никогда. Но уходить была уже пора, онъ поднялся съ мѣста и сталъ прощаться.

— До свиданія, сказалъ онъ, пожимая руки Петровымъ. — Вы ужъ извините меня, что я такой нахаль. Вошелъ къ вамъ на минуту, а просидѣлъ цѣлыхъ пять часовъ...

Они тоже пожимали ему руку и имъ казалось, что съ этимъ господиномъ они были знакомы уже много лѣтъ и имъ было жаль, что онъ уходилъ.

На слѣдующій день онъ опять пришелъ къ нимъ, чтобы сказать дѣтямъ, что Пулька останется у нихъ навсегда, потомъ рѣшилъ остаться въ Москвѣ еще на двѣ недѣли и каждый день, въ теченіе этихъ двухъ недѣль, бывалъ у Петровыхъ. За это

время онъ нѣжно привязался къ нимъ, а они стали его считать своимъ. И какъ только онъ являлся у нихъ, едва только раздавался у двери его стукъ, какъ всѣ трое, Нина, Боря и Пулька, бросались къ нему на встрѣчу и не знали, какъ къ нему приласкаться.

— Дядя Коля! кричали ему дѣти. — Здравствуйте, дядя Коля!.. Наконецъ-то!

Онъ прижималъ ихъ къ сердцу и старался сунуть имъ что-нибудь въ карманы: лакомства, игрушки или что-нибудь такое, что представляло цѣнность для всей семьи.

А двѣ недѣли спустя онъ уѣхалъ къ себѣ на фабрику. Вмѣстѣ съ нимъ двинулась изъ Москвы и вся семья Петровыхъ, со всѣми своими пожитками, съ няньками, мамками и малыми дѣтками. Пулька суетилась больше всѣхъ, вертѣлась, визжала и то и дѣло ей наступали на хвостъ.

Г-нъ Петровъ получилъ у Кукуева мѣсто главнаго управляющаго его огромнымъ дѣломъ и вскорѣ сталъ его компаньономъ. Они поселились вмѣстѣ въ одномъ домѣ, близко сошлись и стали жить, какъ родные.

И лучшаго они не желали.

М. Б—скій.

ТРУСИХА.

До усадьбы стали доходить слухи, что то тутъ, то тамъ стали появляться какіе-то подозрительные люди. Въ одной изъ дачъ около станціи желѣзной дороги они забрались въ погребъ и стащили не только мясо и закуски, но даже кислую капусту и кадку огурцовъ. Такая ихъ смѣлость всполошила всѣхъ обывателей и повсюду только и говорили, что теперь надо все запирать на замки и заводить цѣпныхъ собакъ, чего раньше никогда не было и въ поминѣ.

Больше всѣхъ боялась няня Аграфена Наумовна. Едва только наступала ночь, какъ она сама стала обходить всѣ двери и оглядывать всѣ закоулки въ усадьбѣ, не притаились ли гдѣ-нибудь воръ. На погребѣ, на конюшнѣ, на каретникѣ и даже на курятникѣ повѣсили громадныя замки, а когда няня ложилась спать, то крестила всѣ окна и двери и отъ страха заглядывала къ себѣ подъ кровать.

— Ахъ, няня, говорила ей мама, приходя по вечерамъ, въ дѣтскую, чтобы благословить маленькую Валю,—какая у тебя здѣсь духота! Ты-бы отворила на ночь окно!

— Что вы, что вы, барыня?—пугалась няня.— Не ровень часъ, и жулики залѣзутъ.

— Это на второй-то этажъ?

— Да хоть на третій! Развѣ имъ, безбожникамъ, помѣшаешь?

Мама улыбалась и, ничего не возражая, уходила изъ дѣтской.

Приѣзжали изъ сосѣдней усадьбы отъ Полянскихъ и очень просили, чтобы мама, папа и Валя непременно приѣхали на именины къ г-жѣ Полянской на цѣлый день. А такъ какъ у нихъ будетъ много гостей, а мамина кухарка Акулина очень хорошо печетъ пироги, то просили прислать пораньше и Акулину. Было неловно отказать Полянскимъ, да и самимъ хотѣлось побывать въ гостяхъ, а потому, отправивъ Акулину пѣшкомъ, папа приказалъ запретъ экипажъ и усѣлся въ него вмѣстѣ съ мамой и Валей.

На нянѣ не было лица.

— А какъ-же я-то останусь одна? спросила она, когда кучеръ Иванъ готовъ былъ уже дернуть возжами.

— Ничего, отвѣтилъ ей папа.— Мы вернемся часамъ къ двѣнадцати ночи, а ты, няня, пригласи къ себѣ скотницу Пелагею и посиди съ нею вмѣстѣ до нашего приѣзда. А то просто ложись себѣ спать! Можешь пригласить къ себѣ также и пастуха Максима!

Няня печально улыбнулась.

— Уснешь тутъ! отвѣтила она.— Акулину услали, Ивана берете съ собою, а скотница Пелагея съ утра лежитъ больная, мается съ животомъ.

— Ну, ничего! сказалъ папа.— Какъ-нибудь обойдешься! Нельзя-же,

ПѢСНЯ О ТРУДѢ.

Тукъ, тукъ
Топоромъ!
Изъ-подъ рукъ
Выходитъ домъ.

Онъ растеть, растеть все выше,
Вотъ на немъ уже и крыша,
Окна, двери и труба
И готова ужъ изба!

Тукъ, тукъ
Молоткомъ!
Пзъ-подъ рукъ
Ужъ вышелъ домъ.

Вы въ томъ домѣ поселились,
Тамъ росли, тамъ веселились,
А подумали-ль хоть разъ
Кто построилъ домъ для
васъ?

Такъ, такъ,
Такъ и вы
Не теряйте
Головы,

Когда будете трудиться,
Къ благу общему стремиться,
А не вспомнятъ и о васъ
Добрымъ словомъ въ добрый
часъ.

Левкой.

— Берегись, задавимъ!

КОЛОМБИНА.

Вальсъ.

Соч. Гедвиги Кретьенъ.

Allegretto

PIANO

Mourvt de Valse

tran
rall

1° tempo

Allegretto

Ped

pp

Ped

няня, въ самомъ дѣлѣ быть такой трусихой!

Валѣ стало жаль свою няню. Она соскочила съ экипажа и бросилась къ ней на шею.

— До свиданія, милая нянечка, прощай! сказала она. — Не скучай безъ насъ и, пожалуйста, не думай много о томъ, о чемъ ты думаешь.

Свѣженькая, розовенькая, въ своемъ голубомъ, кисейномъ платьицѣ, она еще разъ обняла няню и снова прыгнула въ экипажъ. Иванъ хлестнулъ возжами и лошади снялись съ мѣста и, брэнча бубенчиками, побѣжали со двора.

— Да, не думай тутъ много, ворчала няня, глядя имъ вслѣдъ. — Легко сказать, когда на весь домъ тебя оставляютъ одну! Кругомъ на пять верстъ ни души, а прїѣдутъ домой опять часамъ къ четыремъ утра!.. Не думай, не думай!.. Имъ-то хорошо тамъ будетъ на людяхъ танцевать, а каково-то мнѣ здѣсь одной въ мои шестьдесятъ шесть лѣтъ?

Она зѣвнула, перекрестила ротъ и повернула въ домъ.

— Добро-бы отъ станціи далеко... продолжала она ворчать, а то всего только шесть верстъ!.. А тамъ, говорятъ, жуликъ на ворѣ сидитъ, мазурикомъ погоняетъ!

И все еще сердясь, она заперла всѣ двери на замокъ, осмотрѣла окна и даже закрыла трубу въ каминѣ.

— Такъ-то будетъ лучше... сказала она. — А то пожалуйста еще и черезъ трубу влѣзутъ!

Она поднялась на второй этажъ, сѣла въ дѣтской въ кресло и стала вязать чулокъ.

Спустилась ночь и сумерки наполнили собою пустыя, молчаливыя комнаты и нянѣ сдѣлалось скучно. Она зажгла лампу и поставила ее около себя.

— Хоть-бы ночь проходила скорѣе... подумала она.

Вдругъ раздался стукъ въ нижнюю дверь и заставилъ ее вскочить.

— Уже! Ломятся въ двери! было первою ея мыслью.

Но, подумавъ немного, она сообразила, что воры не настолько деликатны, чтобы входить черезъ парадное крыльцо, да еще стукомъ предупредить о своемъ приходѣ. Она была на самомъ дѣлѣ гораздо храбрѣе, чѣмъ думала о себѣ, а потому зажгла свѣчу, спустилась внизъ по лѣстницѣ и закричала:

— Кто тамъ?

Со двора послышался чей-то тоненькій голосокъ, болѣе испуганный, чѣмъ способный напугать.

— Не сердитесь, пожалуйста, говорила какая-то дѣвочка, но я сбилась съ пути и не знаю, гдѣ теперь заночевать.

Няня отворила ей дверь.

— Входи, входи, моя милая! сказала она, обрадовавшись незнакомой дѣвочкѣ, какъ родной.

Дѣвочка вошла. При свѣтѣ свѣчи няня увидѣла, что она была очень блѣдна и худа, дрожала отъ холода и страха и вся была въ лохмотьяхъ.

Она взяла ее за руку и ввела ее на-
наверхъ.

— Отогрѣйся здѣсь, сказала она ей, указавъ ей на стулъ въ уголку дѣтской.—И что это за погода стала, прости Господи, проворчала она.— Днемъ солнышко жарить такъ, что дышать невозможно, а по ночамъ хоть печи топи!

И когда дѣвочка обогрѣлась и стала съ любопытствомъ озираться по сторонамъ, няня ее спросила:

— Что же ты дѣлала до такой поздней поры, что ночь застала тебя около насъ?

— Я шла въ имѣніе къ Храповицкимъ, отвѣчала она.—Семь верстъ отсюда... Меня туда отдали пасти телятъ и гусей. А была я дома, въ Рождествинѣ, у отца. Меня пускаютъ домой каждое воскресенье...

— Но почему же ты возвращалась такъ поздно?

— Да я возвращалась не поздно, только жарко было идти; я сѣла отдохнуть у стога сѣна, да не знаю и сама какъ заснула. Просыпаюсь, а ужъ ночь и туманъ стоитъ такой, что ничего изъ-за него и не видно. Я побѣжала въ имѣніе, да сбилась видно съ дороги. Иду, иду,—а все мѣста какія-то чужія... Когда-жъ гляжу, а передо мною вашъ домъ; тогда я постучалась...

— Такъ, такъ... отвѣчала няня.— Но почему-жъ тебя, такую маленькую, отпускаютъ такъ далеко одну?

— Отецъ занятъ, отвѣчала дѣвочка.

— Ну, а мать?

— Матери у меня нѣтъ...

— А братья?

— Братья!.. усмѣхнулась дѣвочка.— Да развѣ-жъ братья могутъ меня провожать, когда всѣ они четверо еще маленькіе! Старшему Петѣ пошелъ всего только пятый годъ.

— Значить, васъ всѣхъ пятеро? спросила няня.

— Пятеро? удивилась дѣвочка.— Насъ всѣхъ не пятеро, а семеро. Кромѣ меня еще двѣ сестры—Таня и Поля и обѣ меньше меня.

— Ну, а тебя-то какъ зовутъ?

— Меня? Меня зовутъ Дашей.

— И ты сама зарабатываешь себѣ кусокъ хлѣба?

— Да. Я пасу гусей и телятъ. А когда я вырасту большая, то тятя отвезетъ меня въ городъ и отдастъ тамъ въ горничныя. Я буду получать шесть рублей въ мѣсяцъ.

Няня нахмурилась и глубоко вздохнула.

— Напрасно... сказала она.— Избави тебя Господь отъ городской жизни, да еще въ домашнихъ прислугахъ!..

— Почему? спросила Даша.—Вѣдь тамъ легче работа, чѣмъ въ деревнѣ, а жалованья даютъ больше!

— Всѣ вотъ вы такъ думаете, пока города не знаете вовсе, отвѣчала няня,—а вотъ какъ попадете въ него, такъ и мыкаете горе! Впрочемъ, чего ужъ тутъ разговаривать! Ложись-ка спать и спи себѣ на здоровье.

— А вы? Развѣ вы не ляжете спать?

— Нѣтъ, я буду ожидать господь...
И она затушила лампу.

Дѣвочка свернулась калачикомъ на сложенномъ вчетверо коврѣ и тотчасъ-же крѣпко заснула.

Положивъ на столъ свое вязанье, няня оперлась о локоть головой и стала думать. Скоро ея думы смѣшались, расплылись, потеряли свою связность и она стала засыпать. Голова ея свалилась съ локтя и склонилась ей на плечо, но она вспомнила, что спать нельзя, опасно, и, встряхнувшись, снова взялась за чулокъ и стала его привычными пальцами вязать въ темнотѣ. Но чулокъ скоро вывалился у нея изъ рукъ, она повѣсила голову на грудь, косынка съѣхала у нея съ головы и она сладко захрапѣла.

Какъ вдругъ кто-то на улицѣ прямо у самага дома громко чихнулъ. Няня въ испугѣ вскочила и стала протирать себѣ глаза. Не сонъ-ли это? Кому-бы это такъ громко чихать? Навѣрное, это жулики приготовились взбираться по водосточной трубѣ на крышу, чтобы черезъ слуховое окно пролѣзть въ чердакъ, а изъ чердака уже проникнуть въ домъ.

Подъ сердцемъ у няни похолодѣло и она подбѣжала къ окну и стала всматриваться сквозь стекла въ темноту.

— Святъ, святъ, святъ... шептала она и крестилась.—Помяни, Господи, царя Давыда и всю кротость его!

Но ночь была темна и на дворѣ не было видно ничего. Затаивъ ды-

ханіе, няня стала прислушиваться и вдругъ до ея слуха явственно донеслись чьи-то тяжелые шаги и чей-то слабый, едва слышный голосъ шепталь:

— Она тамъ наверху одна... Надо зайти съ чернаго крыльца...

И какія-то двѣ тѣни, мужская и женская, направились вдоль дома къ черному крыльцу.

У старушки едва не подкосились ноги.

— Даша! Даша! Закричала она, едва узнавъ свой голосъ.— Вставай! Скорѣ! Къ намъ лѣзутъ?

— Кто? Что? вскочила дѣвочка и, ничего не понимая, широко открыла глаза.

— Вставай скорѣ! У насъ воры! Дѣвочка съ недоумѣніемъ продолжала смотрѣть на няню.

— Да гдѣ, какіе воры? спросила она наконецъ.

Няня съ отчаяніемъ махнула на нее рукой.

— Да понимаешь-ли ты, дура, сказала она,— что я во всемъ домѣ одна, а къ намъ лѣзутъ воры! Они сейчасъ войдутъ въ домъ! Бѣжимъ поскорѣ!

Дѣвочка, наконецъ, поняла и поблѣднѣла отъ страха. Все ея маленькое тѣльце задрожало. Она снова упала къ себѣ на коверъ.

— Я никуда не пойду... сказала она.— Я боюсь!

Но полежавъ двѣ или три секунды, она вдругъ вскочила и глаза ея засверкали рѣшимостью.

— Знаете, что, тетенька? сказала она.— Гдѣ у васъ спички?.. Давайте

сейчасъ зажжемъ всѣ лампы и свѣчи во всѣхъ комнатахъ, и внизу, и наверху! Воры подумаютъ, что у насъ балъ, что мы не однѣ, испугаются и убѣгутъ!

Няня посмотрѣла на нее съ удивленіемъ и не знала, какъ ее и благодарить за ея изобрѣтательность. Какъ это она сама не догадалась сдѣлать это раньше? Вѣдь если-бы она освѣтила весь домъ тотчасъ-же, какъ уѣхали ея господа, то воры не посмѣли-бы теперь придти въ усадьбу и ходить около дома и громко чихать.

И она зажгла оцупью свѣчу и, давши одну коробку спичекъ Дашѣ, а сама вооружившись другой, стала перебѣгать отъ лампы къ лампѣ и отъ свѣчи къ свѣчѣ и зажигала всюду огни.

— Скорѣй! Скорѣй! торопила она Дашу.

Онѣ зажгли всѣ лампы, затѣмъ няня поставила на обѣденный столъ табуретку, взлѣзла на нее и зажгла двѣ люстры, сначала въ столовой, а потомъ въ гостиной, всѣ канделябры въ простѣнкахъ между оконъ, и весь домъ освѣтился такъ, какъ не освѣщался уже давно.

А въ это время внизу, вокругъ дома, ходили скотница Пелагея и пастухъ Максимъ, который не въ мѣру понюхалъ табаку и громко чихалъ. Они вспомнили о старушкѣ-нянѣ, пожалѣли ее, что она одна, и рѣшили ее навѣстить и, если она боится, провести съ нею всю ночь.

— Ну, ладно, Пелагея... говорилъ Максимъ. — Пойдемъ теперь домой. Засвѣтили всюду огни, значитъ, вернулись изъ гостей господа. Нянкѣ теперь уже не будетъ страшно одной. Апчхи! обойдется и безъ насъ... Апчхи!

— Да, пойдемъ домой! отвѣчала, держась обѣими руками за больной животъ Пелагея. Чего ужъ тутъ? И впрямь должно быть пріѣхали господа... Цѣлые полчаса ходимъ вокругъ дома, а старухи-то и не слышать. Должно, и впрямь не боится вовсе...

А няня и Даша въ это время стояли въ уголку въ гостиной, слышали эти чиханье и голоса и дрожали отъ страха! Набравшись затѣмъ храбрости, няня подошла къ окошку и поглядѣла въ него. Сквозь темноту она увидѣла скотницу Пелагею и пастуха Максима, возвращавшихся назадъ, не узнала ихъ, и три раза набожно перекрестилась.

— Ну, слава Богу! сказала она и съ облегченіемъ вздохнула. — Увидали наши огни, испугались и, не солоно хлебавши, ушли!.. Навѣрное, подумали, что у насъ сейчасъ гости и что будутъ сейчасъ танцевать...

Часъ спустя господа вернулись съ именинъ домой. Подъѣзжая къ усадьбѣ, они еще издали увидали весь освѣщенный домъ, сильно напрягли свои глаза, чтобы лучше разглядѣть и понять, въ чемъ дѣло, да такъ и не могли ничего понять. Весь домъ былъ ярко освѣщенъ, но въ его окнахъ не виднѣлось ни единой живой

души и казалось, что всѣ огни въ домѣ зажглись сами собой по мановенію волшебнаго жезла.

— Что бы это значило? все время задавалъ папа мамѣ вопросъ.

А мама и сама не понимала, въ чемъ дѣло и тоже задавала себѣ вопросы, которые не могла разрѣшить.

Наконецъ экипажъ подкатилъ къ ярко освѣщенному крыльцу, папа, мама и Валя соскочили съ него и хотѣли было звонить, но дверь оказалась не запертой вовсе. Впуская къ себѣ Дашу, няня забыла ее запереть. Они бѣгомъ вбѣжали по лѣстницѣ, не раздвываясь вошли въ гостиную и, къ удивленію своему, увидели умилительную картину.

На большомъ плюшевомъ креслѣ, вся освѣщенная яркими огнями, сидѣла няня и сладко спала. У нея на колѣняхъ лежала Даша и громко похрапывала.

— Няня! бросилась къ ней мама.— Что такое? Проснись! Что все это значить?

Няня открыла глаза, подняла голову и, увидѣвъ своихъ, легко вздохнула.

— Наконецъ-то... сказала она.— А я безъ васъ чуть не померла отъ страха...

— Да говори скорѣе, зачѣмъ всѣ эти огни? воскликнулъ папа.— Что все это значить?

— А то значить, отвѣчала няня, опуская на полъ все еще дремавшую Дашу,— что я сожгла вамъ керосину и свѣчей на два рубля, а спасла этимъ цѣлый домъ...

— На два рубля... Спасла весь домъ... забормоталъ папа.— Да объясни ты намъ все толкомъ!

— А эта дѣвочка?— воскликнула Валя.—Какая славненькая! Оттуда ты ее взяла?

— Это бѣдная сирота,—важно отвѣчала няня,—и не будь ея здѣсь, такъ вся ваша усадьба была-бы разграблена, а я была бы уже на томъ свѣтѣ...

Папа взялъ няню за руку и усадилъ ее на стулъ.

— Разсказывай! сказалъ онъ ей.— Я ровно ничего не понимаю!

Няня начала свой разсказъ. Но какъ она ни старалась разсказать своимъ господамъ о томъ, какъ ночью на нее напали разбойники и какъ она набралась много страху, у нея ничего изъ этого не вышло и весь ея разсказъ сосредоточился только на Дашѣ. Она разсказала, какъ вдругъ къ ней постучалась эта дѣвочка, какъ она впустила ее къ себѣ и какъ узнала отъ нея о ея прошедшемъ и настоящемъ и о возможномъ будущемъ, которое могло ожидать ее въ городѣ.

— Нѣтъ, батюшка баринъ, заключила няня свой разсказъ,—какъ ты хочешь, а я ни за что не отпущу эту дѣвочку обратно: она спасла мнѣ жизнь. Пусть она останется у насъ и живетъ вмѣстѣ съ нами, а что дальше будетъ—тамъ уже увидимъ. Да и Валечкѣ будетъ съ кѣмъ играть... А то она бѣдненькая все одна да одна!

Было уже два часа ночи. Папа и мама сидѣли въ гостиной и слушали, какъ няня мечтала о будущемъ Даши, и имъ самимъ казалось, что все, что предлагала няня, вполне осуществимо и что если они дѣйствительно оставятъ у себя эту сиротку, то сдѣлаютъ этимъ только то, что должны были бы сдѣлать и безъ этого случая съ мнимыми ворами во образѣ Пелагеи и Максима.

И пока они слушали и говорили, дѣвочка спала прямо на полу, а уставшая отъ тревоженій Валя прикорнула на мягкомъ креслѣ и видѣла уже десятый сонъ. Ее взяли на руки, перенесли въ дѣтскую, раздѣли и уложили въ постельку, а дѣвочка такъ и осталась лежать на коврѣ. Только няня подложила ей подъ голову подушку, да покрыла ее своею шалью.

— Спи, сирота! сказала она.—Господь съ тобою!

На утро няня разбудила Дашу, повела ее умыться, причесала, заставила помолиться Богу и сказала:

— Иди въ столовую! Тебя хочеть видѣть баринъ!

Даша робко вошла въ столовую и молча остановилась у двери. Баринъ въ халатѣ сидѣлъ у стола и самъ варилъ себѣ кофе. Подъ кофейникомъ пылалъ голубоватый огонекъ.

— Вотъ что, Даша, сказалъ ей баринъ.— Съ нынѣшняго дня ты останешься у меня навсегда. Ты будешь помогать всѣмъ по хозяйству, будешь играть съ Валею и вообще

будешь, какъ своя. А когда наступеть осень, ты будешь бѣгать въ школу и постарайся поскорѣе научиться читать и писать. А куда тебя дальше пристроить, мы уже обдумаемъ потомъ. Сколько ты получала жалованья у Храповицкихъ?

— Пятьдесятъ копѣекъ въ мѣсяцъ, робко отвѣтила Даша.

Папа улыбнулся.

— Ну, у меня-то тебѣ вовсе не понадобятся деньги, сказалъ онъ, потому что ты будешь, какъ родная дочь, а твоимъ братишкамъ и сестренкамъ ты будешь каждый мѣсяцъ относить отъ меня по три рубля.

Дѣвочка не вѣрила своимъ ушамъ.

— Ну, что же ты стоишь, какъ деревянная? послышался вдругъ голосъ няни.—Кланяйся барину и скажи «благодарю».

— Благодарю... еле слышно прошептала Даша и, радостно взвизнувъ, со всѣхъ ногъ выбѣжала изъ столовой въ садъ. Тамъ ее встрѣтила Валя.

— Глупая... сказала ей вслѣдъ няня и покачала головой.—Поди, отъ радости подъ собою ногъ не чуетъ!

И отправившись къ себѣ въ комнату, она отперла свой большой сундукъ, на крышкѣ котораго съ внутренней стороны были наклеены картинки, и стала разбирать въ немъ всякій хламъ.

— Дашуткѣ на платьѣ ищуща... сказала она подошедшей къ ней мамѣ.— Теперь у меня своя внучка есть!

Мама достала портмонэ, вынула изъ него три рубля и сунула его въ руку няни.

— Пошли это, няня, ея отцу! сказала она и вышла изъ комнаты.

Вечеромъ пастухъ Максимъ сидѣлъ у скотницы Палагеи, пилъ у нея въ прикуску чай и рассказывалъ ей, какъ вокругъ усадьбы прошедшей ночью ходили воры, женщина и мужчина, которые искали черного хода и хотѣли забраться въ домъ.

— Съ нами крестная сила!.. шептала въ страхѣ Пелагея и крестилась. — Это когда же они ходили? Тогда-же, когда и мы, или послѣ?

— А ужъ этого я, матушка, не

знаю,—отвѣчалъ ей Максимъ.—Это точно, что и мы съ тобой няньку хотѣли провѣдать и искали къ ней черного хода, а только нянька скazujeетъ, что будто ходили настоящие воры, которые, будто, влѣзли на крышу и хотѣли уже забраться на чердакъ.

— Хорошо, что мы-то съ тобой во время ушли... сказала Пелагея.— А то досталось-бы отъ воровъ и намъ!

— Да... протянулъ Максимъ.— Нянька говоритъ, что воры все время чихали... Должно, они тоже нюхаютъ табакъ...

И, громко кусая сахаръ, Максимъ налилъ себѣ седьмую чашку чаю и сталъ пить.

М. Б—скій.

Разгадки головоломкѣ и проч., помѣщенныхъ въ № 20 „Золотого Дѣтства“.

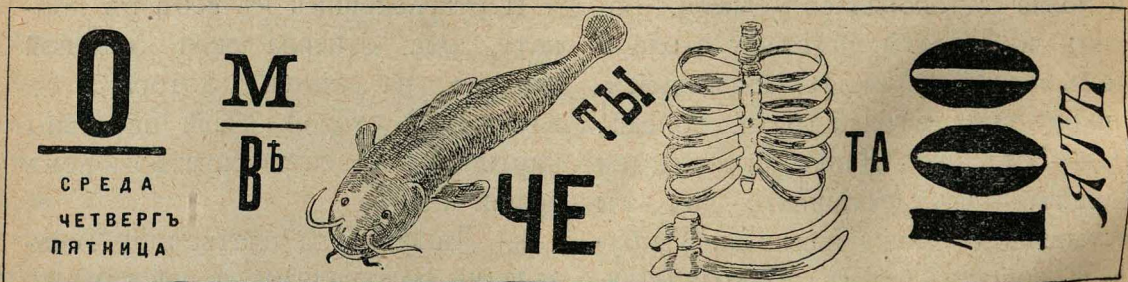
Головоломки: I. Са—жа, По—ле, Ги—тара = Сапоги. II. Лы—ко, пе—ро, сли—ва = Корова. III. Бу—ма—га, у—ли—ца, фо—на—ри = малина. IV. Сахаръ, алмазь, муха, овца, варенье, азбука, рука = самоваръ. V. М—арк—а, к—ошк—а, р—усл—о, н—ог—а = макарона.

Головоломка-шутка: Со (рока) + (ши)ло, + (мура)вей = соловей.

Ариомографъ: Корова, каска, вакса, сова, Нева, сорока, весна, ворона, коверъ, овесъ, воскъ. Задуманное слово—Некрасовъ.

Впрямь рѣшенія прислали: Надя Бауеръ изъ Неклоча, Володя Теремецкій изъ Гатчины, Лиза Сахновская, Марина Петрова, Ксенія Лаврентьева, Женья Стрекоза, Соня Игнатъева изъ Ольшевки, Миша Налимовъ, Lydie Smirnoff изъ Парижа, Коля Никифоровскій изъ Екатериновки и многіе другіе.

ЗАГАДКА-РЕБУСЪ № 12.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЬ
ДЛЯ ДѢТЕЙ
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)
подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

При каждомъ номерѣ приложенія (выкройки, игры, картонажи для склеиванія, литературныя и другія).
Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.,
на полгода — 1 руб. 90 коп.

Подписка принимается: а) для иногородныхъ — въ Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3; б) для городскихъ подписчиковъ — въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Невскій, 40), Т-ва М. О. Вольфъ (Гостиный Дворъ и Невскій) и Н. П. Карбасникова (Гостиный Дворъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

За перемѣну адреса — 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

ЧАСТНАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗІЯ

К. Ѳ. ѲЕДОРОВОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ПЕТ. СТ., Б. ГРЕБЕЦКАЯ, 12, СОБСТВЕННОЕ ЗДАНИЕ.

Всѣ **восемь** классовъ. Элементарная школа. Дѣтскій садъ.

Основательное изученіе новыхъ языковъ. Физическое и эстетическое развитіе учащихся. Изученіе математики и физики по программѣ мужскихъ гимназій. Латинскій языкъ (для желающихъ).

Окончившія VIII-й классъ получаютъ аттестатъ на званіе домашней учительницы или наставницы и право: 1) поступить на Высшіе Женскіе Курсы и 2) имѣть аттестатъ зрѣлости (для изучившихъ латинскій языкъ).

Пріемъ въ VIII-й классъ по аттестатамъ объ окончаніи гимназій или института — **безъ экзамена.**

Плата: отъ 60 руб. до 130 руб. въ годъ, въ VIII кл. — 150 руб. въ годъ
Подробности письменно по требованію. **Телефонъ 294—72.**